

Владимир Еранов

г. Ленинск-Кузнецкий

Заскользил лучом рассвет
с подоконника по стенам.
Как Обломов, в цвете лет
я лежу в своей постели.

Лень лежать и лень вставать,
лень работать, лень лениться.
Подо мной скрипит кровать
сеткой ржавой, как в больнице.

Мысли вертятся в мозгу,
как чужие, еле-еле:
я сумею... я смогу...
я уже встаю с постели...

Ну, живей давай: ать-два! –
соберись же: три-четыре!
Закружилась голова –
мебель

скачет

по

квартире!

Так ни немощен, ни бодр,
не здоров, но и не болен,
я лежу который год,
сам беседа с собою.

Подпираю взгляд стеной.
Простыня щекочет пятки.

Крошки хлеба под спиной.
Голова как после пьянки.

Ну, приехали – кажись
ты хандришь сегодня, дурень,
а ведь толком не пожил,
даже след в литературе

не оставил. Полно ж нить!
Всё, соскакиваю разом!..
Летаргические сны
очаровывают разум...

Эй, уже пора – подьё-ом!
Лежебока, дрыхнуть хватит!
Утро солнечным лучом
заскользило по кровати.

Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.

Случайный жест, напополам
рассекший неумело воздух!
И вслед за грохотом твой возглас
с упрёком к собственным рукам.

Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.

Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!
О если б в мире этом *так же*
прощался нам и больший грех...

Один из поэтов, мусоля бычок,
мне, юному, как-то внушал: «Старичок,
не зная вина, не куря сигарет,
в поэзии не состоится поэт».

Я следовал часто завету тому,
полжизни в угаре провёл и дыму.

Но как не усваивал этот урок,
однако ни строчки исторгнуть не смог.

Так опыт свидетель: вино и табак
не делают всё же поэтом. Никак.

Хоть мне о нём твердили: «Голова!», -
я с детства не любил Толстого Льва.

И если с полки брал одну из книг,
вердикт был предрешён: чудит старик!

Но годы шли и, как бы не был мал,
я дальше и острее видеть стал.

Проклятые вопросы бытия
решать учился заново и я.

Смотрю я по-другому ныне на
осмеянные мною имена.

Те, в ком я прежде видел лишь недуг,
здоровой стороной открылись вдруг.

Вот почему во мне теперь жива
бунтующая мысль Толстого Льва.

Девочка моя Таня
еще не имеет тайн,
да и какие тайны
бывают у маленьких Тань.

Таня не морщит носик,
не делает скорбный вид,
если животик ноет
или зубик болит.

Небо ее в ромашках,
добрый волшебник с ней,
и даже коза рогатая
не страх вызывает, а смех.

Самый ценный подарок
для Тани – горсть конфет.
Хаос – ее порядок,
а «да» означает «нет».

Так и живет, козявка,
на улице топнет ногой:
«Папа, а я казяла,
что не пойду домой!»

Машет Таня руками,
потешно являя злость, –
так папу она ругает
за несговорчивость.

Написан текст...

Написан текст, и что мне делать с ним,
таким прекрасным и таким моим?
Он канет в лету, как любой иной
прекрасный текст, написанный не мной.

Но прорва слов заполнила тетрадь.
Как можно было их в себе сдержать!
И, может быть, за каждую строкой
просвечивает мир совсем другой.

И ищет взгляд хоть призрачный намёк
о мире том, скользя по всхолмьям строк.
Так рыба на побережье пустом
стенает близ воды с открытым ртом.